

Литературоведение

УДК 821.161.1, 82-31, 398-22
DOI 10.17223/18137083/72/4

Змеборство в «Гистории королевича Архилабона»: книжные источники, фольклорная традиция и ее модернизация

Л. А. Курышева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Реконструирован читательский (в широком понимании) опыт П. С. Орлова, повлиявший на замысел «Гистории королевича Архилабона» (1750), и дан анализ змеборческого сюжета в аспекте модернизации и ресемантизации эпических мотивов в литературном произведении.

Доказано, что в части змеборства и приключений героя со львами непосредственными источниками Гистории стали близкие к фольклорным формам произведения допетровской традиции – Повесть о Еруслане Лазаревиче, Повесть о Брунцвике, Повесть о Бове Королевиче. Ряд деталей указывает на то, что автор был знаком с живой эпической традицией.

Эпический этос протагониста и его коня в эпизоде змеборства переосмыслен в соответствии с более поздними повествовательными формами и собственными авторскими задачами. В отличие от эпической модели, герой побуждаем к подвигу конем, сам конь выступает сначала как орудие провидения, затем как боевой товарищ – подчиненный герою, без антропоморфных черт, но духовно связанный с хозяином. Эпический противник (змея) сохраняет в Гистории внешние атрибуты (локус обитания, облик, ход боя), в ходе повествования теряет свою хтоническую сущность (противник и поглотитель) и превращается в дарителя и потенциального помощника главного героя. Отдельные эпические мотивы, сменив обычное местоположение в композиции, утрачивают изначальную семантику (мотив человеческих жертвоприношений змею, мотив привязывания коня, мотив богатырского сна), другая группа эпических мотивов (падение коня на колени, вбивание коня в землю) переосмыслена или получает дополнительное пояснение.

Ключевые слова

русская литература XVII–XVIII вв., фольклор и литература, рукописная беллетристика, змеборство, СУС 300

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Автор выражает сердечную благодарность д-ру филол. наук Е. Н. Кузьминой за благожелательное внимание к работе и обсуждение ее научных результатов.

© Л. А. Курышева, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

Для цитирования

Курьшева Л. А. Змеборство в «Истории королевича Архилабона»: книжные источники, фольклорная традиция и ее модернизация // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 50–65. DOI 10.17223/18137083/72/4

The fight with the dragon in “The Prince Archilabon’s Story”: literary sources, folk tradition and its modernization

L. A. Kuryшева

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper is concerned with reconstructing the reader’s experience of P. S. Orlov, which influenced his plan for *The Prince Archilabon’s Story* (1750), and analyzing the plot about fighting the dragon in this fiction in the aspect of modernization and resemantization of epic motifs. In episodes of the hero’s fight with the dragon and the adventures with the lions, the direct sources of the *Story* are the works of old tradition close to folklore forms – *The Yeruslan Lazarevich’s Tale*, *The Brunzwick’s Tale*, *The Bova Prince’s Tale*. Several details indicate that the author was familiar with the living epic tradition. The ethos of the protagonist and his horse in the episode of the heroic deed (the Dragon-Slayer) was rethought in P. S. Orlov’s *Story*. Unlike the epic model, the hero is encouraged to exploit the horse, the horse itself appears first as an instrument of providence, then as a comrade-in-arms subordinate to the hero, without anthropomorphic features, but spiritually connected with the owner. The epic opponent (dragon) retains external attributes in the *Story* (locus of habitat, appearance, course of the battle), in the course of the story, loses its chthonic essence (enemy and sink) and turns into the giver and potential assistant of the protagonist. After changing their usual location in the composition, separate epic motifs lose their initial semantics, while another group of epic motifs (falling a horse to its knees, driving a horse into the ground) is reinterpreted or gets an additional explanation.

Keywords

Russian literature of the 17th–18th centuries, handwritten fiction, the Dragon-Slayer, ATU 300, folklore and literature

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Kuryшева L. A. The fight with the dragon in “The Prince Archilabon’s Story”: literary sources, folk tradition and its modernization. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 50–65. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/4

Змеборческий сюжет входит в число наиболее архаичных и распространенных фольклорных сюжетов¹. Он нашел свое преломление в литературной тради-

¹ Из исследований, посвященных архаическим чертам в образе змея, змеборству в героическом эпосе и волшебной сказке, назовем отечественные труды: [Пропп, 1996, с. 222–243; Золотова, 1983; Мелетинский, 1986, с. 62–113].

ции – рыцарских романах, житиях, в России – в целом пласте рукописной беллетристики XVI–XVIII вв. Для памятников беллетристики допетровской эпохи, таких как Повесть о Бове Королевиче, Повесть о Еруслане Лазаревиче и др., характерно стилистическое и сюжетное соединение черт воинской повести, героического эпоса и волшебной сказки². В XVIII в. стали популярны обработки этих произведений в духе авантюрно-галантных повестей.

В 1750 г. Петр Семенович Орлов, юноша, завершающий свое образование в юнкерской школе при Сенате, сочинил «Гисторию королевича Архилабона» (далее Гистория). Это беллетристическое произведение примечательно тем, что ее автор сообщил свои имя и социальный статус, время и место создания Гистории, что далеко не характерно в общей массе анонимной рукописной беллетристики³. Уже в заглавии сочинения обозначен ориентир автора на старую рукописную традицию (ср. Повесть о Бове Королевиче). Сочинение Орлова построено на контаминации сказочных сюжетов⁴. Основной сюжет Гистории, на который нанизываются сказочные мотивы: вещий сон короля, отца Архилабона, который никто не может разгадать, и исполнение таинственного предсказания – попытки вероломной сестры Афродиты избыть королевича и окончательная победа последнего.

Предметом настоящей статьи является реконструкция читательского (в широком смысле) опыта автора, повлиявшего на замысел Гистории, и анализ змеборческого сюжета в этом литературном произведении в аспекте модернизации и ресемантизации эпических мотивов.

Мы рассмотрим встречу героя со змеем и бой, а также мотивы получения боевого коня и сказочных помощников, нередко входящие в сюжеты о змеборстве [Адоньева, 1989, с. 104–105]. В качестве сопоставительного материала нами привлечены повести допетровской традиции и близкие по времени записи былин и их пересказов XVII–XVIII вв., сборник Кирши Данилова, в некоторых случаях – современные академические издания русских былин⁵.

Остановимся сначала на событиях Гистории, предшествующих змеборству. В фольклоре и близких ему книжных памятниках отъезд богатыря в чисто поле ради ратных забав и подвигов или отъезд из дома по другой причине является начальной точкой приключений и деяний героя⁶. Изгнание Архилабона вместе с сестрой за пределы государства связано с невозможностью короля, их отца, решить загадку вещего сна, с наказанием и решением предоставить свершиться тому, что предназначено свыше: «...да лутче... выпроводить с честью из королевства... им же давольное родительское ваше будет наказание; к тому ж дорогою над

² См.: [Кузьмина, 1964, с. 17–60; Пушкарев, 1980, с. 27–55]. Имело место и обратное влияние – рукописной традиции на устный эпос, например, Повести о Еруслане Лазаревиче на былины об Илье Муромце, см. об этом: [Миллер, 1869, с. 183; Астахова, 1958]. Общие проблемы взаимодействия устной и книжной словесности рассмотрены С. Ю. Неклюдовым [2009].

³ Подробнее об авторе Гистории см.: [Курышева, 2017].

⁴ Перечислим основные сюжетные типы: 300 Победитель змея, 315 Звериное молоко, 590 Царевич и браслеты [Сравнительный указатель сюжетов..., 1979, с. 103, 115–116, 165]. О комбинации сюжетов 315 и 590 в Гистории см.: [Курышева, 2015].

⁵ Привлекая фольклорный материал к выяснению возможных источников Гистории, мы разделяем точку зрения С. Ю. Неклюдова, который при рассмотрении вопроса об устных источниках книжного памятника определил характер результатов как реконструктивный [Неклюдов, 2009].

⁶ О признаках «отмеченности» эпического героя, приемах указания на героическую судьбу, в том числе пребывание в период деяний вне дома, см.: [Путилов, 1988, с. 72–73].

ними по реченному вам свыше гласу исполнится может, а вашему величеству сомневать о чем не останетца!» (Гистория, с. 96) (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Л. К.)⁷. Параллельный эпизод обнаруживаем в Повести о Еруслане Лазаревиче. Причиной отъезда протагониста является изгнание: «...сын твой во царстве не надобен, – *лутчи ево вон выслать ис царства*» (Повесть о Еруслане..., с. 301).

По дороге Архилабон и его сестра встречают табун лошадей, от которого отделяется необычный белый конь, принуждает следовать за собой и останавливается у моря. Затем во время охоты королевич Архилабон находит каменный дом, который принадлежит змею о шести головах. После победы над змеем, герой и его сестра поселяются в этом доме. В памятниках устной словесности подвигам героя нередко предшествуют молодецкие забавы, в число которых входит охота⁸. Однако уникальное сочетание в одном произведении мотивов изгнания героя из царства, уединенного житья в каменном доме у моря и охоты мы находим в уже упоминавшейся нами Повести о Еруслане Лазаревиче. Кроме того, в оба произведения входит такая деталь, как отказ от родительской поддержки в виде какого-либо имущества, денег и слуг, подчеркнутая скудность нового быта. Сравним:

Повесть о Еруслане Лазаревиче

И отец его отпускает за ним наряду и имения многое множество... И Еруслон Лазаревич не емлет себе и ни единого отрока и отцовы казны ни единого пенязя... *и все отпустил назад*, только себе взял седло черкасское да узду тасмянную, да войлочки косящаты. И приехал Еруслон Лазаревич *к морю, и вшел в белокаменную полату... и лег опочевать*. И поутру встав Еруслон Лазаревич, рано учал ходить по диким заводям и по губам морским, и учал *гусей и лебедей стреляти*, и серых птиц, и тем себя кормил (с. 302).

Гистория

Оной конь, заведши их в превеликие горы и леса, *при море остановился* и с сего места ехать далее не допускает. Королевич, усмотря место сие при море хорошим, вздумал до время тут сделать себе с сестрою королевною жилище, а *лакеев отпустил по прежнему и с коретою во отечество*, оставив с одним реченным белым конем. В полудни... *пошел с ружьем для охоты*, и, пришед незапно к великой горе, увидел на оной *превеликой каменной дом* <...> И сели кушать, а по кушанье *легли при своем жилище* из травы с листьем на зделанной постеле *отдыхать* (с. 96).

Перейдем к образу богатырского коня, добывание которого зачастую входит в комплекс мотивов, предшествующих подвигу. Выбор коня связан с испытанием его силы, укрощением или другими какими-либо знаками конгруэнтности богатырю⁹. В соответствии с эпическим топосом коня Архилабона отличают необы-

⁷ Здесь и далее цитаты из литературных памятников даны в упрощенной орфографии.

⁸ См. былины о Добрыне и змее (Добрыня Никитич..., № 2, с. 15; № 5, с. 30; № 7, с. 44, № 11, с. 55), Дюке Степановиче, Волхе Всеславьевиче, Добрыне и Маринке (Древние русские стихотворения..., № 3, с. 21; № 6, с. 34; № 9, с. 42) и др.

⁹ Подробнее о богатырском коне см.: [Путилов, 1988, с. 68–69]

чайная сила и норовистость¹⁰. В то же время налицо нарушение эпического канона: герой не озадачен получением коня, более того – конь принуждает героя следовать за собой, являя через себя действие высших сил:

...Вышед конь весь белой, перед каретою пошел, но наперед зделав вид, будто он указавать путь, ехать им хочет <...> как лакеи слышали приказ королевичев, тот час стали отгонять, а он не токмо чтоб от них побежал, но еще лакеев отбив, и з дороги корету, никуда в сторону ехать не допусая, за собою следовать понудил. Что видя, королевич приказал корете за конем ретироватца, разсуждая, из сего быть особливой притчине (Гистория, с. 96).

Кроме того, конь инициирует Архилабона на подвиг – бой со змеем:

...белой конь... разбудил королевича тихо... он дал вид, чтоб наложка седло, на нево сел Архилабон. Королевичь, уразумея ево вид, тот час оседлав, на нево взошел, а конь, вскакав на гору, стал посреди вышереченного дома (Гистория, с. 97).

Имя коня – Буелан – по-видимому, указывает на его нрав и героическое предназначение. Само наделение коня собственным именем ставит его в положение наравне с хозяином (эта традиция прослеживается от устного эпоса до рыцарского романа). В последующих событиях Гистории конь выступает в своей обычной функции – боевого товарища: сопровождаемые волшебными помощниками, седок и его конь неоднократно побеждают армию неприятеля.

В сочинении Орлова задействован топос поведения богатырского коня в отсутствие героя: духовная связь с хозяином, нежелание покориться кому-либо другому. Расправившись с Архилабоном, его неприятель Бритон забирает коня и возвращается в свое королевство с сестрой героя Афродитой. Тоскуя о хозяине, конь вбивается в землю. Подобный этос коня находим в Повести о Бове Королевиче. В ожидании героя богатырский конь стоит в конюшне, вбившись в землю, почуяв приближение хозяина срывает цепи и выбивает двери:

Есть у государя моего батюшки доброй конь богатырский: стоит на 12 цепях, по колени в землю вкопан, и за 12 дверми... И Бова бысть радощен и пошел на конюшню, и добрый конь богатырский з 12 цепей збился и уже пробивает последние двери (Повесть о Бове..., с. 284).

В Гистории имеет место остранение по отношению к эпической модели поведения коня:

Конь же Буелан, хотя и взят с королевною, однако он *великою своею силою вбился в землю весь*, оставя одну свою главу поверх оной для дыхания. *И сие вь их владении почитали за диковинку* (Гистория, с. 103).

Когда спасенный Архилабон собирается мстить неприятелю и направляется к границам его государства, конь чувствует скорое возвращение хозяина. Поведение коня получает в Гистории дополнительное пояснение: «Конь Буелан сие почувствовал тот час, из земли выбившис, стал есть корм по прежнему и *делается господину своему быть готовым*» (Гистория, с. 104; ср. мотив выкармливания

¹⁰ Ср., например, характеристики коня в былинах о Дюке Степановиче, Иване Гостином сыне (Древние российские стихотворения..., № 3, с. 20; № 8, с. 41–42), прозаическом пересказе былины об Илье Муромце (Былины..., № 10, с. 92).

коня в сказочном эпосе [Пропп, 1996, с. 171]. При этом король Ливкус, испугавшись грядущего появления Архилабона, посылает навстречу посла и отправляет с ним коня «в знак верности посольства». В эпическом произведении или близком к нему книжном памятнике посылка коня невозможна. В качестве примера приведем описание поведения коня Бовы Королевича в плену Маркобруна: «...добрый конь богатырский збился з 12 цепей <...> И доброй конь богатырский услышал всадника своего и последние двери пробил» (Повесть о Бове..., с. 291–292).

В описании встречи коня и Архилабона первый падает на колени, а хозяин отвечает ему владельческим жестом.: «...Конь, вырвавшись из рук его ведущих, *пал пред ним на колени*; Архилабон, *погладя коня своего*, стал спрашивать у посла причину ево посольства» (Гистория, с. 104). Обращает на себя внимание разная семантика эпизода падения коня на колени: в эпосе и близких к нему книжных памятниках падение на колени коня происходит при испытании его силы (Повесть о Еруслане Лазаревиче), в Гистории – это жест вассальского признания. Параллель, наиболее близкую к Гистории, обнаруживаем в Повести о Бове Королевиче, в соответствующем эпизоде встречи коня и богатыря: «И добрый конь богатырский *охапил* Бову *передними ногами* и *почел во уста целовать* аки человек, и Бова *почел...* по шерсти *гладить* и *скоро утешил* добраго коня богатырскаго» (Повесть о Бове..., с. 284).

От характеристики коня перейдем к эпизоду боя со змеем. В русском эпосе змееборцы – Добрыня Никитич и Алеша Попович. Кроме того, бой со змеем встречается в русской агиографии – Чуде Георгия о змее (конец XII – начало XIII в.) и Житии Петра и Февронии (XVI в.). Из рукописной беллетристики допетровской эпохи в бой со змеем вступают Еруслан Лазаревич и Брунцвик.

Детали описания встречи со змеем и боя в Гистории указывают на знакомство автора с национальным героическим эпосом. Б. Н. Путилов о мифологических подтекстах былевого эпоса отмечал: «Двум главным функциям змея в былине (хозяин воды и похититель людей) соответствует два постоянных места, с которыми он связан, – река (море) и горы» [Путилов, 1971, с. 41]. Присмотримся к обиталищу змея в Гистории. Он живет возле моря, его дом находится на крутой горе (Гистория, с. 96–97). В былинах о Добрыне и змее, антагонист героя живет в горах, ему же принадлежит водная стихия; в одном из вариантов былины в описании места обитания змея добавлена такая деталь, как терем¹¹.

Помимо связи змея с горами и водами, автор Гистории воспроизводит другие характерные для эпического змееборства черты: появлению змея предшествует визг, во время боя конь находится по лодыжку в крови, победитель срубает голову змею, взрезает правую и левую грудь противника, а также заключает договор с противником. Последовательно рассмотрим их использование в литературном произведении.

В Гистории визг и бой разнесены по времени (Архилабон слышит визг во время охоты и пугается)¹², отсутствует как таковой вызов на поединок или словесная перебранка противников.

¹¹ Добрыня восходит на крутую гору, выкапывая копьём ступени и ведя коня под уздцы: «А залез-то он на горы Сорочинские, / А садилсе он скоро да на добра коня, / А как брал-то он трубочку подзорную... И увидал тут Добрынюшка у змеи высок терем» (Добрыня Никитич..., № 6, с. 42).

¹² Ср. шум, свист, шипение от змея в фольклорных и житийных текстах: Добрыня и Змей (Добрыня Никитич..., № 1, с. 7), Алеша Попович и Тугарин Змеевич (Добрыня Никитич..., № 37, с. 187) и Чудо Георгия о Змие (Чудо...).

Общий ход боя в сочинении Орлова, а именно срубание голов противника, заключение договора и подарок победителю в обмен на жизнь, снова находит соответствие в Повести о Еруслане Лазаревиче, с той лишь разницей, что Архилабон выполняет обещание и отпускает змея:

Повесть о Еруслане Лазаревиче

И сел Еруслон на свой доброй конь и поехал к озеру. И услышало чудо, что приехал Еруслон, и выскочило вон; конь испугался, пал на окарачки... влез Еруслон чуду на спину, и отсек Еруслон у чюда две головы и хошет третью голову отсечь. И взмолилось чудо: «Государь Еруслон Лазаревич! Не дай смерти, дай живота! По сей день из озера не выйду, и людей есть не стану... а тебе дам подарок велий: есть у меня камень самоцветной, и яз тебе отдам»... и взял у чюда камень самоцветной... И Еруслон снял с чюда третью голову... (с. 318).

Гистория

...Конь, вскакав на гору, стал посреди двора вышереченного дома. Королевичь Архилабон... вдруг увидел вышедшева ис полат к нему о шести главах змея. Королевичь тот час... стал с ним в немалом страхе бится. И уже три головы отделил от мерскаго змеинаго трупа, от чего вышло крови столко много, что двор сего дому весь покрылся, и яко коню по лодышку во оной стояти принуждену, но еще королевичь с превеликим трудом от дышущаго изо уст голов пламяни две головы шпагою своею отсек, то змей, оставшись с одною главою, проговорил человеческим голосом: «Ежели ты, о королевич! последнюю мою голову от трупа моего отделить не похочеш, то я вам мою услугу наперьод показать желаю! Взрежь мои правую и левую груди, – то, что из того будет, вам в подарок заключаю. Только сотвори со мною милость, отпусти меня жива, владей сим домом без опасения, а меня к тому увидеть не можеш» (с. 97).

Поскольку не все черты описания боя со змеем и его исхода могут быть объяснены знакомством Орлова с Повестью о Еруслане Лазаревиче, обратимся в поисках параллелей к былинному материалу. Так, мотив договора с противником обычно присутствует в вариантах былины о Добрыне и змее с двухчастной структурой: первый бой оканчивается договором, второй – победой над змеем (Добрыня Никитич..., № 1, с. 9; № 2, с. 17–18, № 6, с. 41). Как отмечает В. Г. Смолицкий, в былине «сказочный мотив договора заново переосмыслен», окончательная расправа с врагом «мотивирована тем, что змей нарушил клятву» [1971, с. 183]¹³. Но среди относительно поздних вариантов былины встречается текст с близкой Гистории «мирной развязкой»: Добрыня сражается со змеем один раз, не убивает змея, за сохранение жизни змей дарит богатырю золотую казну, доброго коня

¹³ См. также комментарий к вариантам развязки былин о Добрыне и змее: [Смирнов, Смолицкий, 1974, с. 377–378].

и красну девицу [Смирнов, Смолицкий, 1974, с. 377] (Добрыня Никитич..., № 8, с. 48–49).¹⁴

В цитированном выше описании боя Еруслана Лазаревича с трехголовым чудом нет таких характерных деталей Гистории, как огонь из пасти змея, достигающая лодыжек коня кровь, вскакивание на грудь противника, вспарывание груди (намерения это сделать). Огнедышащий змей является противником и Алеши Поповича, и Добрыни Никитича:

А и я бы Алешу... / Копьем заколол и огнем спалил (Древние Российские стихотворения..., № 20, с. 100);

...Похочу-то я Добрынюшку-то и огнем пожгу, / Похочу-то я Добрынюшку-то и в себя пожру <...> Тут змеиницо Горынищо... стала на Добрыню искры сыпати, / Она стала жгать да тела белого (Добрыня Никитич..., № 1, с. 8).

Используемые Орловым мотив крови, которая во время боя доходит коню по лодыжку (колени, чрево, щеку), и мотив вспарывания груди противника воспроизводят характерные мотивы русского эпоса, зафиксированные в том числе в его ранних записях:

И потом изъехал труп татарской – где пригор, тут по щеку коню крови; а где привражие, тут по колени коню крови; а где прибрег, тут по чрево коню крови (Былины..., № 28, с. 165)¹⁵;

Садился Иван царю поганому на белы груди, вынимал он свои булатной нож, на мусате ножичек наставлявает, хочет он у царища поганово спороть груди белыя и закрыть очи ясные (Былины..., № 43, с. 196).

Мотив вспарывания грудей встречается в более поздних записях былины «Добрыня и змей» (см.: Добрыня Никитич..., № 1, с. 8; № 7, с. 45; № 11, с. 56). В сборнике Кирши Данилова этот мотив встречается в былине об Алеше Поповиче и былине о победе Ильи и Добрыни над бабой Горынинкой (Древние российские стихотворения..., № 20, с. 101; № 50, с. 192)¹⁶.

Остановимся на функции змея в Гистории. Как мы могли видеть, в сочинении Орлова мотив вспарывания грудей противника связан не с победой над врагом, а с получением волшебных помощников. При этом змей становится дарителем по своей воле. Образ змея в Гистории (противник и даритель) дополнен мотивом поедания людей, похищения женщин, известным также книжной традиции (Чудо

¹⁴ В ранних записях и пересказах былаина о Добрыне и змее не зафиксирована (Былины...), в сборнике Кирши Данилова в былине на этот сюжет есть однократный бой со змеем, соответственно мотива договора нет (Древние российские стихотворения..., № 48, с. 182–185).

¹⁵ Ср. в Повести о Бове Королевиче: «...одва добрый конь скачет в крови по колени» (Повесть о Бове..., с. 286). Мотив крови, которая достигает колена богатырского коня, встречаем в Повести об Иване Пономаревиче (уже безотносительно к его участию в бою, как знак смерти хозяина). Анализ использования сказочных мотивов в этом произведении см.: [Демкова и др., 1970, с. 488].

¹⁶ Оба текста отличает своеобразие, оба несут следы редакторской работы сводчика сборника, см. об этом: [Смирнов, Смолицкий, 1974, с. 404–405; Евгеньева, Путилов, 1977, с. 441–442, 454].

Георгия о змие, Повесть о Еруслане Лазаревиче)¹⁷. Этот отголосок мотива жертвоприношений змею следует в сочинении Орлова уже после того, как змей исполнил обещание и покинул свои владения: «...из владения... некоторого короля Ливкуса ведена одна девица живущему прежде тут змею на съедение по прежнему обычаю» (Гистория, с. 98). В эпосе и близких ему книжных памятниках мотив похищения, поедания людей служит основанием к змеборству. В литературном произведении Орлова мотив жертвоприношения змею служит вводу еще одного действующего лица (служанки Афродиты) и увязыванию змеборства и последующих эпизодов.

Перейдем к эпизодам Гистории, связанным с волшебными помощниками. Врезывая груди змея, Архилабон получает двух волшебных львов и отпускает противника, который обязуется в случае надобности прийти королевицу на помощь (этот мотив остался нереализованным). Большая часть приключений со львами и такая черта Архилабона, как некоторая робость, позаимствованы Орловым из Повести о Брунцвике¹⁸. Брунцвик видит бой льва и девятиглавого дракона, принимает сторону льва, и в благодарность лев сопровождает и спасает героя: помогает в бою против драка-василиска и других опасных диковинных зверей, излечивает от ран. В сочинении Орлова львы охраняют Архилабона во время сна, сопровождают на охоте, участвуют в битвах против войска Бритона, излечивают от смертельных ран.

Вот примеры описания того, как неистово львы-помощники разрывают противников героя:

Повесть о Брунцвике

Видячи же то лев, розбегся и *расторже драка надвое с великим гневом, и на малые кусы розмета* его (с. 378);

Брунцвик же добы меч свой и начат с ними битися мужне... И начат омлевати, сииречь уставати. Видячм же то лев... и разбегшися прытко на одного и *со гневом раздра его надвое*, и потом тако же и другаго <...> Лев же ему во всем *помогал опять со гневом, и тех тако же раздра* <...> Лев же прискочи и увиде Брунцвика биющася, и собра лев всю силу свою и *почал велми битися с ними и начал драти их наполю*. И тако им бог поможе, иже всех лев раздра (с. 381–382).

Гистория

...Королевиць... вооружился и, сев на коня Буелана, со львами встречю им поехал. Арми бритоновой королевиць Архилабон скоро скучен показался, ибо из них многих головы от тела отделял и наполю силою своею разсекал, но ево одново... однако б убили, да львы, служащие при нем, *столко ево защищали сильно, что всякова человека наполю перерывая*, разрушают всю армию и делают Архилабону дорогу до самого королевица Бритона (с. 101).

¹⁷ В Повести о Еруслане Лазаревиче чудо о трех головах живет в озере и поедает людей (Повесть о Еруслане..., с. 318). Ср. мотивы обитания змея в озере, змеиного свиста, поедания людей змеем и жертвоприношений в Чуде Георгия о змие (Чудо Георгия...).

¹⁸ О львах-помощниках в произведениях русской словесности, знакомых читателю до появления Повести о Брунцвике, о робком характере Брунцвика [Демкова и др., 1970, с. 481, 484].

Сестра Архилабона и Бритон неоднократно покушаются на жизнь героя, всякий раз он спасен львами. Аналогичные эпизоды находим в Повести о Брунцвике. В первом эпизоде волшебные помощники излечивают героя своими средствами:

Повесть о Брунцвике

Брунцвик... паде з древа и убися велми. Видячи же то лев, отбегл от него скоро и накопал корения и принес ему к нему во устех и обкла Брунцвика. Так бо в мало время избы то время... Лев же поможе ему... (с. 378).

Гистория

Львы же разломав ящик трои сутки лизали архилабоновы раны и божим произволением сим лизаньем все раны заживили, от чего королевичь телом получил здравость; потом один лев, распоров задней лапы исподнюю мякоть, и вынул пузырьок с лекарством, и один другому сие лекарство на хвост поливая, мазали лицо и все королевичы члены, а от сего властию божескою о такое получил здраве, как и прежде имел без отмены (с. 104).

В другой раз в спасении героя участвуют и волшебные помощники, и искусный врач:

Повесть о Брунцвике

Брунцвик же от великих ран паде на землю яко мертв... Лев же стоя над ним в жалости велицей, девица же Африка... стоячи над ним, тужила. Лев же... побежа не мешкая з города и накопа корения и принесе во устех своих. Девица Африка учини ему водку и в десяти днех исцели от ран (с. 384).

Гистория

...Королевичь Архилабон и насилу уже дыхание свое производил... в то ж время львы... увидев ево всево исколта, всех отбив, стали лизать ево раны и чрез ту ночь от их лизания королевичевы раны маленко поизгладились, и ему стало полехче... Потом приступил доктор и обезал ему раны, а чрез четыре недели вылечил ево здрава. Львы, сему обрадовавшись, уже от него никуда не отлучались ни на мало (с. 106).

Мы установили книжные источники Гистории и модификацию эпических мотивов, связанных со змееборческим сюжетом. Прежде чем перейти к обобщениям, остановимся еще на одной детали, взятой из эпической топики, поскольку это важно для понимания работы Орлова с традиционными эпическими мотивами. Обычно в заключительных эпизодах русских былин, когда подвиг завершен и герой прибывает ко двору князя Владимира, его поведение соответствует этосу богатырского вежества, элементы которого сводятся к следующим деталям (хотя какие-то из них встречаются факультативно): спешивание с коня, привязывание коня к кольцу, при входе в палаты – крест на иконы и поклон князю и его гостям¹⁹. Иногда подчеркивается, что конь перескакивает через ограду и встает по-

¹⁹ Например: «И как будет он под градом Киевым, и скачет прямо чрес ограду белу каменную, и везжает на широкой двор ко князю Владимирю. И слезает с своего добраго коня, и привязавает ево ко кольцу серебрянному... Пошел... в ту палату белу каменную и молится

среди двора (тем самым вплетается мотив богатырского удалства). В Гистории перед неожиданной встречей героя со змеем конь одним скачком оказывается во дворе змеиного дома, королевич спешивается и собирается привязать коня к серебряному кольцу, чтобы немедленно вновь сесть на коня и совершить свой подвиг: «...А конь, вскакав на гору, стал посреди двора... дома. Королевич Архилабон лишь толко успел, сошедши на землю *привезать своего коня Буелана к прибитому в столб колу серебряному, вдруг увидел* вышедшева ис полат к нему о шести главах змея» (Гистория, с. 97). В сочинении Орлова такая деталь эпического быта, как привязывание коня к кольцу, воспроизводится, однако имеет другое композиционное размещение и поэтому теряет свою семантику, оставаясь незавершенным жестом героя.

Предпринятое нами исследование приводит к следующим выводам. В части змеборства и приключений героя со львами непосредственными источниками Гистории являются близкие к фольклорным формам произведения допетровской традиции – Повесть о Еруслане Лазаревиче, Повесть о Брунцвике, Повесть о Бове Королевиче. Отметим при этом, что автор ориентировался на общую для рукописной беллетристики XVIII в. тенденцию придавать повествованию большую галантность, а словесным выражениям большую изящность. Не исключено, что автор был знаком именно с «галантными» переделками названных повестей, но на этой особенности Гистории мы не останавливаемся подробно в настоящей статье. Упомянем только, что среди такого рода подновленных произведений известны и обработки былинных сюжетов²⁰.

Ряд деталей указывает на то, что П. С. Орлов был знаком с живой эпической традицией, хотя автор не использует типичные формулы или фразеологизмы²¹. Нами обнаружено только два традиционных эпитета в сочетании с инверсивными конструкциями ('леса непроходимые', 'кольцо серебряное') и одна стяженная форма прилагательного (обращение змея к Архилабону «отпусти меня жива»), которые хотя бы отчасти могут быть связаны с устной поэтической традицией. Все эти примеры относятся к эпизоду о змеборстве.

В литературном произведении П. С. Орлова этос протагониста и его коня в эпизоде героического деяния (змеборства) переосмыслен под влиянием более поздних повествовательных форм и собственных авторских задач. В отличие от эпической модели, герой побуждается к подвигу конем, сам конь выступает сначала как орудие провидения, затем как боевой товарищ – подчиненный герою, без антропоморфных черт, хотя и с сохранением темы духовной связи с хозяином.

он чудным образом, а князю Владимирю поклоняется, а после на все четыре стороны» (Былины..., № 7, с. 89). В комментариях исследователи отмечают, что в этой записи былины есть не характерный для других ранних записей мотив именно серебряного кольца [Астахова, Митрофанова, 1960, с. 263].

²⁰ Например, относящаяся к середине XVIII в. История об Илье Муромце, сочетающая былинные и книжные элементы, при этом сценам придворной жизни придан галантный оттенок, см.: [Астахова, Митрофанова, 1960, с. 56–59] (Былины..., № 26, с. 132–139). Анализ Гистории о Брунцвике, уникальному произведению, датируемому близко ко времени правления Петра I, и ее отношению к своему прототипу – Повести о Брунцвике – посвящено исследование М. В. Мелихова [2012].

²¹ О формах бытования «фольклорного знания» пишет С. Ю. Неклюдов: «...любой носитель культурной традиции гораздо в большей степени, чем это принято думать (и чем он сам это полагает), владеет “фольклорным” знанием, получая его из детского чтения, из речевого обихода, насыщенного фразеологическими и проverbsиальными формами, из отзвуков устных текстов, эхо которых неминуемо достигает каждого» [Неклюдов, 2009].

При сохранении внешних атрибутов эпического противника (локус обитания, облик, ход боя) змей в Гистории легко теряет свою хтоническую сущность (противник и поглотитель) и превращается в дарителя и потенциального помощника главного героя.

Отдельные эпические мотивы, сменив обычное местоположение в композиции, утрачивают изначальную семантику. Так происходит с мотивом человеческих жертвоприношений змею, с мотивом привязывания коня; к ним же может быть отнесен мотив богатырского сна, который мы не рассматриваем в настоящей статье. Княжеский пир, на котором обычно завязывается «эпическая коллизия» (В. Я. Пропп), замещен в Гистории государственным советом, но остается на своем композиционном месте и сохраняет семантику, несмотря на внесенные автором новации [Курышева, 2017]. Еще одна группа эпических мотивов (падение коня на колени, вбивание коня в землю) переосмысливается или получает дополнительное пояснение.

Список литературы

Адоньева С. Б. Особенности структуры и семантики змеборческого сюжета в фольклоре и письменной традиции // Русский фольклор. Л.: Наука, 1989. Т. 25. С. 100–111.

Астахова А. М. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 504–509.

Астахова А. М., Митрофанова В. В. Комментарии // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 255–304.

Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII века // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе: Сб. ст. / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1970. С. 476–561.

Евгеньева А. П., Путилов Б. Н. Комментарий // Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. С. 425–460.

Золотова Т. А. Змеборчество в русской сказке и былине (сравнительный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1983. 16 с.

Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси (Бова, Петр Златых Ключей). М.: Наука, 1964. 342 с.

Курышева Л. А. Об авторе рукописной «Гистории королевича Архилабона» (1750) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 28–42.

Курышева Л. А. Сюжет о коварной сестре в «Гистории королевича Архилабона» // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2. С. 528–532.

Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1986. 320 с.

Мелихов М. В. Трансформация реалий Петровской эпохи в демократической литературе XVIII в. // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2012. Т. 2, № 1. С. 99–102.

Миллер Ор. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. 895 с.

Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры // Слово устное и слово книжное / Сост. М. А. Гистер. М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 15–33. (Серия «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика»)

Пропл В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 365 с.

Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 224 с.

Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 316 с.

Пушкарёв Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 184 с.

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Примечания // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 371–431.

Смолицкий В. Г. Былина о Добрыне и змее // Русский фольклор. Из истории русской народной поэзии. Л.: Наука, 1971. Т. 12. С. 181–192.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Список источников

Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. 320 с.

Гистория королевича Архилабона // Русские повести XVII–XVIII вв. / Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского. СПб., 1905. С. 90–107.

Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. 448 с. (Серия «Литературные памятники»)

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 488 с. (Серия «Литературные памятники»)

Повесть о Бове Королевиче / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 275–300.

Повесть о Брунцвике / Подгот. текста и коммент. А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 374–388.

Повесть о Еруслане Лазаревиче / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. С. 301–322.

Чудо Георгия о змие / Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: ИРЛИ РАН, 1997. Т. 5: XIII век. С. 448–455

References

Adon'eva S. V. Osobennosti struktury i semantiki zmeeborcheskogo syuzheta v fol'klоре i pis'mennoy traditsii [Features of the structure and semantics of the snake-fighting plot in folklore and written tradition]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 25, pp. 100–111.

Astakhova A. M. K voprosu ob otrazheniyakh v russkom bylinnom epose skazaniya o Eruslane [On the issue of reflections in the Russian epic of the Yeruslan's story]. In:

Trudy otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1958, vol. 14, pp. 504–509.

Astakhova A. M., Mitrofanova V. V. Kommentarii [Comments]. In: *Byliny v zapisyah i pereskazah 17–18 vekov* [Epics in the records and retellings of the 17th–18th centuries]. A. M. Astakhova, V. V. Mitrofanova, M. O. Skripil' (Prep. of the edition). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960, pp. 255–304.

Demkova N. S., Likhachev D. S., Panchenko A. M. Osnovnye napravleniya v belletristike 17 veka [Main trends in fiction of the 17th century]. In: *Istoki russkoy belletristiki: Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature: Sb. st.* [Origins of Russian fiction: Appearance of storytelling genres in Old Russian literature: Coll. of art.]. Ya. S. Lur'e (Ed. in Ch.). Leningrad, Nauka, 1970, pp. 476–561.

Evgen'eva A. P., Putilov B. N. Kommentariy [Comment]. In: *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym* [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov]. A. P. Evgen'eva (Prep. of the edition), 2nd ed. rev. Moscow, Nauka, 1977, pp. 425–460.

Kuz'mina V. D. *Rytsarskiy roman na Rusi (Bova, Petr Zlatykh Klyuchey)* [Chivalric romance in Russia. (Bova, Peter of the Golden Keys)]. Moscow, Nauka, 1964, 342 p.

Kuryshcheva L. A. Ob avtore rukopisnoy "Gistorii korolevicha Arkhilabona" (1750) [About the author of the handwritten "The Prince Archilobon's Story" (1750)]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 2, pp. 28–42.

Kuryshcheva L. A. Syuzhet o kovarnoy sestre v "Gistorii korolevicha Arkhilabona" [The plot of the insidious sister in "The Prince Archilobon's Story"]. In: *Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of time. In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, Indrik, 2015, vol. 2, pp. 528–532.

Meletinskiy E. M. *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit., 1986, 320 p.

Melikhov M. V. Transformatsiya realiy Petrovskoy epokhi v demokraticheskoy literature 18 v. [Transformation of the realities of the Petrine era in the democratic literature of the 18th century]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2012, vol. 2, no. 1, pp. 99–102.

Miller Or. *Il'ya Muromets i bogatyrstvo kievskoe* [Ilya Muromets and heroism of Kiev]. St. Petersburg, 1869, 895 p.

Neklyudov S. Yu. Traditsii ustnoy i knizhnoy kul'tury [Traditions of oral and book culture]. In: *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe* [Oral word and book word]. M. A. Gister (Comp.). Moscow, RSUH Publ., 2009, pp. 15–33. (Seriya "Tradi tsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika" [Series "Tradition - text - folklore: typology and semiotics"])

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of a fairy tale]. St. Petersburg, SPbU Publ., 1996, 365 p.

Putilov B. N. *Geroicheskiy epos i deystvitel'nost'* [Heroic epic and reality]. Leningrad, Nauka, 1988, 244 p.

Putilov B. N. *Russkiy i yuzhnoslavyanskiy geroicheskiy epos: Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [Russian and South Slavic heroic epic: Comparative-typological study]. Moscow, Nauka, 1971, 316 p.

Pushkarev L. N. *Skazka o Eruslane Lazareviche* [The Tale of Yeruslan Lazarevich]. Moscow, Nauka, 1980, 184 p.

Smirnov Yu. I., Smolitskiy V. G. Primechaniya [Notes]. In: *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Yu. I. Smirnov, V. G. Smolitskiy (Prep. of the Ed.). Moscow, Nauka, 1974, pp. 371–431.

Smolitskiy V. G. Bylina o Dobryne i zmee [Bylina about Dobryn and the Dragon]. In: *Russkiy fol'klor. Iz istorii russkoy narodnoy poezii* [Russian folklore. From the history of Russian folk poetry]. Leningrad, 1971, vol. 12, pp. 181–192.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka [Comparative index of plots. Eastern Slavonic fairy tale]. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps). Leningrad, Nauka, 1979, 437 p.

Zolotova T. A. *Zmeborchestvo v russkoy skazke i byline (sravnitel'nyy analiz)* [Snake slaying in Russian tale and epic: (comparative analysis)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1983, 16 p.

List of sources

Byliny v zapisyakh i pereskazakh 17–18 vekov [Byliny in the records and retellings of the 17th–18th centuries]. A. M. Astakhova, V. V. Mitrofanova, M. O. Skript' (Prep. of the Ed.). Moscow, Leningrad, 1960, 320 p.

Chudo Georgiya o zmie [The miracle of George about the serpent]. V. V. Kolesova (Prep. of the text and comm.). In: *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Ancient Rus. literature]. St. Petersburg, IRLI RAN, 1997, vol. 5: the 13th century, pp. 448–455.

Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Yu. I. Smirnov, V. G. Smolitskiy (Prep. of the Ed.). Moscow, Nauka, 1974, 448 p. (Seriya “Literaturnye pamyatniki” [Series “Literary monuments”]).

Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov]. A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov (Prep. of the Ed.). 2nd ed., rev. Moscow, Nauka, 1977, 488 p. (Seriya “Literaturnye pamyatniki” [Series “Literary monuments”]).

Gistoriya korolevicha Arkhilabona [“The Prince Archilobon’s Story”]. In: *Russkie povesti 17–18 vv.* [Russian stories of the 17th–18th centuries]. V. V. Sipovskiy (Ed., intr.), St. Petersburg, 1905, pp. 90–107.

Povest' o Bove Koroleviche [The Prince Bov’s Story]. A. M. Panchenko (Prep. of the text and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Ancient Rus literature. XVII century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988. Kn. 1, pp. 275–300.

Povest' o Bruntsvike [The Brunzwick’s Story]. A. M. Panchenko A. M. Panchenko (Prep. of the text and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Ancient Rus literature. XVII century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988. Kn. 1, pp. 374–388.

Povest' o Eruslane Lazareviche [The Story of Yeruslan Lazarevich]. N. S. Demkova, A. M. Panchenko (Prep. of the text and comm.). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Ancient Rus literature. XVII century]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, bk. 1, pp. 301–322.

Сведения об авторе

Курьшева Любовь Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413

ResearcherID K-9651-2018

Information about the author

Lyubov A. Kuryшева – Candidate of Philology, Leading Researcher at the Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413

ResearcherID K-9651-2018